

Платон. (1970) Соч. : в 3 т. М. Т. 2.

Поршнева, Б. Ф. (1971) Контрсуггестия и история (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформации в развитии человечества) // История и психология. М. : Наука.

Тоффлер, Э. (1999) Третья волна. М.

Третьяков, В. Т. (2015) Теория телевидения. ТВ как неоязычество и как карнавал. М. : Ладомир.

Хренов, Н. А. (2014) Пределы эскалации коммуникативных технологий: ностальгия по площади // Культура и искусство. № 1.

Хренов, Н. А. (2016) Искусство эпохи новой визуальности: кризис созерцания. Saarbrücken : Palmarium Academic Publ.

Ясперс, К. (2004) Ницше. Введение в понимание его философствования. СПб.

«ДЛИННЫЕ ШЕСТИДЕСЯТЫЕ» В СССР (1957–1973) — ТОЧКА НЕВОЗВРАТА: КАК ПОСЛЕСТАЛИНСКАЯ НОМЕНКЛАТУРА СОРВАЛА РЫВОК В КОММУНИСТИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ*

А. И. Фурсов

*Институт системно-стратегического анализа;
Московский гуманитарный университет*

Доказывается гипотеза о том, что с 1957 по 1973 г. развитие СССР, основанное на научно-техническом прорыве, включавшем автоматизированные системы управления на основе ЭВМ, энергетику на новых принципах, выдающиеся космические системы, на много лет обогнавшие Запад, — было сознательно заблокировано верхушкой советской номенклатуры, интересы которой расходились с интересами страны, нацеленной в коммунистическое будущее. В конечном счете, все это привело к распаду СССР.

Ключевые слова: постсталинская номенклатура; антикапитализм; посткапитализм; производительные силы; производственные отношения; автоматизированные системы управления; социализм как система

Со времени разрушения СССР прошло более полувека, однако внятного теоретического объяснения этого явления, его сущности до сих пор нет. Ведь если советская система в конце 1980-х разрушилась (а не была разрушена!) из-за своей экономической якобы несостоятельности, то каким же образом РФ уже

* Выступление написано на основе следующих работ А. И. Фурсова: Фурсов, 2017аb.

почти три десятилетия, почти ничего не создавая, существует за счет экономического наследия СССР, советской экономической базы?

В 1988 г. горбачевская команда пригласила из США нобелевского лауреата по экономике В. Леонтьева. Горбачевцы рассчитывали, что Леонтьев вынесет смертный приговор социалистической системе и заявит о необходимости системных изменений. Однако они просчитались. Проанализировав ситуацию и признав наличие ряда серьезных проблем в экономике, Леонтьев определил их как структурные, а не системные. Вашей квартире, сказал он принимающей стороне, требуется ремонт. Но переезжать вам некуда, поэтому нужно спокойно ремонтировать комнату за комнатой, не меняя саму квартиру. И, самое главное, предупредил Леонтьев, нельзя ни в коем случае поднимать цены — именно это проделало правительство Гайдара в начале 1992 г. сразу после разрушения СССР. Взвинтить цены им нужно было для того, чтобы лишить население финансовой возможности участвовать в уже запланированной приватизации и превратить последнюю в экспроприацию.

В данном случае важно отметить, что в середине 1980-х годов в СССР имел место не системный, а структурный кризис, который определенные силы внутри страны и за ее рубежами упорно превращали — и превратили — в системный.

Реальным могильщиком любой системы, что демонстрирует история — может быть только системообразующий элемент, т. е. господствующий класс или слой. Именно господствующий, а не угнетенный и эксплуатируемый: борьба последнего без союза с частью верхушки может быть только бунтом.

Могильщиком советской системы выступила номенклатура, точнее, определенная ее часть в союзе с частью спецслужб и теневым «капиталом», с одной стороны, и частью западных «хозяев истории» (финансово-олигархические кланы, закрытые наднациональные структуры, аристократическо-монархические круги; внешне же это была деятельность государств Запада). Номенклатура при помощи определенных кругов Запада превратила структурный кризис в СССР — в системный, стремясь превратиться из квази-класса в класс собственников. Противоречия здесь разворачивались в сфере производственных отношений и власти. Они неоднократно проанализированы мной в ряде работ и выступлений (наиболее ранний вариант — Кратократия // Социум. 1991. № 9–12). Речь идет о:

- противоречиях между коллективным (присвоением номенклатурой внеэкономических факторов производства) и индивидуальным (продуктом производства);
- противоречиях, обусловленных социально-гомогенной природой власти в СССР;

- противоречиях, вытекающих из совпадения в советской системе базовой ячейки производства и базовой ячейки власти.

Это были противоречия внутри производственных отношений. Но существовало весьма важное противоречие на уровне «производительные силы — производственные отношения». Его разрешение, обеспечивавшее поступательное развитие советского общества, переход от социалистической фазы к тому, что на партийно-идеологическом языке именовалось коммунизмом, было сознательно заблокировано верхушкой советской послесталинской номенклатуры в «длинные шестидесятые» годы (1958–1973). Это время стало точкой невозврата в социализм в развитии СССР. Это время в значительной степени обусловило и характер мирового развития, который оно приняло в последние 50 лет в виде триумфа финансового капитализма, подрывающего и уничтожающего капиталистическую систему, но вовсе не с позиции пролетарского революционного движения, как предполагали Маркс и Энгельс, а с позиции буржуазии, стремящейся создать вместо отработавшего свое капитализма такой строй, который не только сохранит, но приумножит ее привилегии и надолго оставит у власти.

СССР, отрицая капитализм по линии производственных отношений, системный антикапитализм, имел ту же систему производительных сил, что и капитализм — индустриальную, причем менее развитую. Преодоление капитализма в СССР шло прежде всего по линии социальных и духовных производительных сил, по линии производственных отношений, а не по линии материально-вещественных производительных сил. У такого преодоления есть свой материально-технический предел. Превращение антикапитализма (советского социализма) в посткапитализм (иными словами, в коммунизм), т. е. содержательное, позитивное отрицание капитализма требовало качественно более развитой системы производительных сил — постиндустриальной (а точнее — гипериндустриальной). Рывок в посткапитализм предполагал решения трех задач:

- 1) строительства принципиально новой (информационной) системы управления экономикой как необходимого условия создания качественно новой системы производительных сил;

- 2) создания принципиально новой энергетической системы, оставлявшей капиталистический Запад с его «нефтянкой» в глубоком экономическом (и финансовом) офсайде;

- 3) военно-технического обеспечения решения двух указанных выше задач мирного строительства, которое полностью лишало Запад возможности военным способом прервать это строительство, навсегда оставляло его позади СССР и по сути ставило крест на капитализме как на системе, как на типе развития; ленинский вопрос «кто — кого?» однозначно решался в советскую пользу.

Были ли у СССР в начале 1960-х годов, когда советское экономическое чудо 1950-х по сути заканчивалось и возник целый ряд структурных проблем, возможности совершить рывок в посткапитализм, в тот мир, который Стругацкие назвали «Миром Полдня» (по книге «Возвращение. Полдень. XXII век»)?

Безусловно, да — и были они созданы именно в 1960-е годы на том фундаменте, который заложил советский народ под руководством Сталина, а если брать структуры безопасности и ядерное оружие, то и Берия.

В первой половине 1960-х годов под руководством академика В. М. Глушкова была разработана не имевшая на тот момент аналогов система ОГАС — общегосударственная автоматизированная система. Эта система обеспечивала научно-техническое (кибернетическое) управление обществом, прежде всего экономикой, на основе динамичного самосовершенствующегося социалистического планирования. Внешне ОГАС представляла собой мощный справочно-информационный комплекс, охватывавший всю экономику страны. По сути это было создание принципиально новой **социалистической** системы планирования, управления и хозяйствования, выведившей **социализм как систему** на качественно новый уровень. Документооборот страны переводился в электронный вид, система управления (и отчетности) становилась прозрачной снизу доверху. Что очень важно, все это предлагалось к реализации тогда, когда существовавшая в СССР плановая экономика начала давать серьезные сбои, как реальный выход из складывающейся неблагоприятной ситуации. Система Глушкова позволяла не просто исправить эту ситуацию, но заложить фундамент индустрии высоких информационных технологий.

Наметился и вполне очевидный прорыв в энергетике. К середине 1960-х годов группа советских ученых под руководством И. С. Филимоненко завершила разработку термоэмиссионной гидролизно-энергетической установки (ТЭГЭУ), т. е. установки холодного термоядерного синтеза. Это означало получение дешевого источника энергии и в перспективе обнуляло западную «нефтянку» — СССР становился монополистом «производства» дешевой энергии.

Такую монополию, способную спровоцировать Запад на военные действия, нужно было защищать, остужая пыл потенциального агрессора. Эту проблему должно было решить внедрение блестящих разработок гениального конструктора В. Н. Челомея. Назову лишь некоторые из них. Прежде всего это уникальный наступательно-оборонительный комплекс «Закат» (намек на закат, т. е. конец Америки в случае применения этого комплекса; другое его название — «Башмак», в память о том, как Хрущев стучал башмаком на заседании ООН). Был также разработан уникальный подводный автономный автоматизированный контейнерно-ракетный комплекс (ПААКРК); он размещался вдоль границы территориальных вод США, и даже в том случае, если СССР пропускал первый удар, система все равно срабатывала, делая возмездие неотврати-

мым благодаря наличию не имевшего аналогов устройства беспрограммного наведения на цель Л. Г. Ткачева. Еще одним детищем Челомея была маневренная орбитальная боевая система Космос-252 («истребитель спутников»).

Иными словами, уже к середине 1960-х годов СССР имел все возможности для прорыва в посткапитализм. Прорыв, однако, не был реализован: на его пути монолитом встала верхушка советской номенклатуры. Да и Запад, понимая нависшую над ним смертельную угрозу, приложил максимум усилий, чтобы воспрепятствовать советскому рывку в будущее. Так, в США уже в 1964 г. при президенте Л. Джонсоне была создана группа по противодействию введению ОГАС в СССР. В 1966 г. участники совещания у Л. Джонсона пришли к выводу о том, что к 1970 г. СССР создаст новую организацию и технологию производства и в этом случае выиграет соревнование у США. Неудивительно, что во время пребывания Глушкова за границей на него было совершено два покушения, а пресса США и Великобритании развернула против него и ОГАС мощную информационную кампанию. «The Washington Post» и «The Guardian» опубликовали статьи под провокационными названиями «Перфокарта управляет Кремлем» и «Цифра сменяет Ленина». Адресатом этих статей было советское руководство. Запад откровенно пугал его социальными и властными последствиями внедрения в практику системы Глушкова. В самом СССР американская агентура влияния тоже не дремала: в 1972 г. в газете «Известия» за подписью Г. Арбатова была опубликована статья «Уроки электронного бума», где утверждалось, что США уже отказались от развития ЭВМ и электронных коммуникаций — в смысле: и нам этим заниматься нечего. К критике Глушкова присоединились либеральные экономисты-рыночники типа Е. Г. Либермана и И. Я. Бирмана, вообще не видевшие перспектив развития социалистического планирования и уповавшие на рыночные методы.

Однако главной причиной, из-за которой был поставлен крест на ОГАС, были не действия внешнего противника, а социальный («классовый») интерес партноменклатуры, с одной стороны, и хозяйственников, с другой. Деятельность последних в случае реализации программы ОГАС становилась полностью прозрачной: приписки, игры с цифрами, фальсификация и «подработка» планов, теневой «административный рынок» — все это становилось невозможным. Показательно, что А. Н. Косыгин, который традиционно считается экономически наиболее продвинутым из советских руководителей той поры, сделал все, чтобы ОГАС не была внедрена. Его позиция понятна: во-первых, исходя из ведомственных соображений, он стремился не допустить появления еще одного, причем конкурентного и перспективного, ведомственного комплекса. Во-вторых, он понимал, что ОГАС начнет менять производственные и властные, общественные в целом отношения, и наряду с номенклатурой наверху пирамиды власти неизбежно появятся новые группы — технократического типа.

Если Сталин в самом начале 1950-х годов хотел потеснить «партократию» совминовской бюрократией, то в результате полномасштабного внедрения ОГАС, и «хозбюрократов», и «партократов» должны были подвинуть «технократы». По сути, это означало еще одну социальную революцию, но только без репрессий и крови, как в 1930-е годы, а мирным, «техническим» способом.

Ни Косыгин, ни другие высшие «партократы» не могли допустить появления рядом с собой альтернативной властной группы, да еще выступающей в качестве властелинов новой технологии управления (технологии власти), а потому сделали все, чтобы спустить работы над ОГАС на тормозах. Хотя формально работы в вялотекущем режиме продолжались до 1980 г., по сути это было либо использование каких-то частных элементов, сторон программы, либо откровенная ее имитация — номенклатура могла спать спокойно, цифровая опасность была устранена.

Более трагически сложилась судьба разработок И. С. Филимоненко. В 1967 г. военно-промышленная комиссия Совета министров дала официальное заключение, что разработки И. С. Филимоненко — это переворот в энергетике, системах вооружения, медицине и космической технике. Однако уже в конце того же 1967 — в начале 1968 г. закрытым постановлением Секретариата ЦК КПСС работы И. С. Филимоненко были прекращены, его межотраслевое объединение закрыто, экономическая и техническая документация уничтожена. Хотя до нефтяного кризиса 1973 г. и роста цен на нефть было еще далеко, определенная часть высшей советской номенклатуры была крайне заинтересована в развитии «нефтянки». После того, как в конце 1950-х годов СССР, по совету главы Египта Г. А. Насера, активизировал экспорт дешевой нефти (цель — нанести ущерб «реакционным арабским режимам»), это стало еще и вопросом внешней политики.

Что касается «челомеевских» новинок, то, несмотря на успешные испытания 1963 г., к лету 1967 г. все работы по ПААКРК были приостановлены. Можно сказать, что последней серьезной попыткой повернуть вспять процесс свертывания прорывных направлений в военной сфере стало выступление первого секретаря Московского горкома КПСС Н. Егорычева на июньском пленуме ЦК КПСС в 1967 г. Поставив вопрос о недостатках средств ПВО, защищающих Москву, он предложил провести отдельный пленум по вопросам развития военной техники. Егорычев рассчитывал, что на таком пленуме противникам Челомея, прежде всего Д. Ф. Устинову, придется сдать свои позиции. В случае успеха это могло бы «вытащить» Глушкова и Филимоненко. Однако ни Косыгин, ни Брежнев предложение Егорычева не поддержали, военные и Устинов были в ярости от того, что гражданский вторгается в их сферу. Вскоре Егорычев был снят со своей должности.

Другие челомеевские работы были прекращены после 1967 г.; например, работы по созданию маневренной орбитальной боевой системы Космос-252 («истребитель спутников») — в 1968 г. (полностью свернуты в 1972 г.), по созданию пилотируемых военно-разведывательных платформ — в 1969 г., а программа «Закат» — в 1971 г. (документация была разбросана по различным КБ, главным образом, конкурентов Челомея и по сути дела пропала) (Бодрихин, 2017: 243, 251, 290, 295, 301–302, 306).

Решения «партии и правительства», т. е советской верхушки, в отношении проектов и целых прорывных направлений в конце 1960-х — начале 1970-х годов не ограничиваются приведенными выше примерами. Так, в 1968 и 1973 г. спецпостановлениями Политбюро ЦК КПСС были прекращены работы по созданию советских ЭВМ, в том числе персональных компьютеров, хотя на тот момент мы существенно обгоняли США по данному направлению. Были остановлены перспективные разработки в биологии, генетике, трансплантологии, медицине.

Тем не менее, траекторией невозврата, на которой был оборван путь в посткапитализм, т. е. к построению реального коммунистического общества, в котором номенклатура, если бы и сохранилась, то ни в коем случае не была бы единственным властным субъектом, — следует считать именно 1967 г. Именно 1967-й стал годом эволюционного перелома в развитии системного антикапитализма (социализма), годом отказа от рывка в реальный посткапитализм (коммунизм), началом отрицательного эволюционного сдвига в истории Большой системы «СССР» (а вместе с ней — мира в целом), старта ее деградиционной динамики.

По иронии истории произошло это в год 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции, причем на пленуме, где одним из главных вопросов было обсуждение (и, конечно же, единогласное одобрение) «Тезисов ЦК КПСС к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции» (опубликованы в «Правде» 22 и 25 июня 1967 г.). В тезисах говорилось о том, что «социализм — сегодняшний день сотен миллионов людей и завтрашний день всего человечества» (КПСС в резолюциях ... , 1972: 287).

И говорилось это в документе, принятом на том самом пленуме, который окончательно похоронил перспективу перехода к посткапитализму и перевел СССР (и мир) на рельсы такого развития общества, которое уже через четверть века расстанется с идеей коммунизма. Разумеется, такого развития советская верхушка не хотела. Но она и не хотела ничего менять, не хотела ничего такого, что могло бы как-то нарушить ее квазиклассовый интерес и ослабить позиции как слоя-для-себя. А потом пришел 1991 г., в котором официально прозвучал отказ от строительства коммунизма. Закономерно то, что кто не идет вперед, тот катится назад.

Противоречие между стремительно растущим научно-техническим потенциалом СССР и системой властных и производственных отношений «номенклатурного социализма», форму которого принял в 1950-е годы системный антикапитализм, номенклатура решила в свою пользу. Для меня символическим изображением целенаправленного уничтожения высшей номенклатурой устремленного в посткапиталистическое будущее военно-научно-технического комплекса стал один эпизод из романа И. А. Ефремова «Часа Быка». Там руководство планеты Торманс («Совет Четырех» — нечто вроде Политбюро) принимает решение уничтожить звездолет Прямого Луча (на нем прилетели посланцы коммунистической Земли), чтобы избежать социальной революции у себя на планете. Звездолет все-таки уцелел, и вернулся на Землю, а на Тормансе, напоминавшем брежневский СССР, все же произошла социальная революция — коммунистическая. В СССР, где номенклатура уничтожила устремленный в будущее «звездолет» в виде гениальных изобретений советских ученых и конструкторов, тоже произошла революция, антикоммунистическая, в 1991 г. — привет Брежневу и Косыгину со товарищи.

Отказ советской верхушки от прорыва в посткапитализм был не просто отказ от новой, мирной, социальной революции. Это было блокирование, ликвидация революционной материально-технической возможности развития общества, угрожавшей превращению номенклатуры в закрытый квази-класс. Именно в это время «всем, — пишет Э. Неизвестный, — стало ясно, что *бог революционных свобод* в России умер. И советская верхушка стала замкнутой суперсектой, *окончательно оторвавшейся от задач, ее породивших* (подчеркнуто мной. — А. Ф.), имеющей одну цель: удовлетворение собственных постоянно растущих потребностей и бесконечное продление своего существования». И людям достаточно грамотным стало ясно, что сама невозможность творчества в рамках окостеневшей, непроницаемой системы, — свидетельствует о реакционности развития общественного процесса».

Посткапиталистическую, реально коммунистическую революцию номенклатура избежала, но взамен — через поколение — получила антикоммунистическую революцию, т. е. контрреволюцию 1991 г., которую организовала часть следующего за брежневским поколением номенклатуры.

Если первые 50 лет существования СССР были временем подъема, то следующие десятилетия — временем ускоряющегося регресса и упадка с мизерабельными результатами преемницы СССР в канун столетия Октябрьской революции. Эти результаты были практически запрограммированы поворотом 1967 г. — поворотом к попытке сотрудничества с хозяевами капиталистического мира со всеми вытекающими из этого внешними и внутренними последствиями. Эти результаты страна расхлебывает до сих пор.

Советская верхушка, опьяненная в 1970-е годы военным могуществом СССР и хлынувшими в страну нефтедолларами, не могла понять, что блокируя

технический прогресс, превращаясь в замкнутую, господствующую группу, все более отделяясь и отдаляясь от народа, по сути противопоставляя себя ему в нарушение собственных же провозглашаемых идеалов и ценностей, при этом интегрируясь в мировую капиталистическую систему, — она совершает отложенное самоубийство. Тем самым она, высшая номенклатура, вступает на поле, на котором игра ведется только по тем правилам, которые пишет и меняет в своих интересах верхушка мирового капиталистического класса. И места там ей нет. Никто с ней не собирался играть на равных и долгосрочно.

Иными словами, превращаясь в замкнутую группу господствующего типа, советская номенклатура, даже не будучи буржуазией, функционально начала вливаться в мировой капиталистический класс, в перспективе превращаясь из хозяев мировой антикапиталистической системы в мелких хозяйчиков полупериферийного сырьевого сегмента капиталистической системы.

По сути это был размен стратегии на тактику, будущего — на настоящее, идеального — на материальное. Необразованность советской верхушки, низкий уровень культуры (в широком смысле слова), узкий кругозор, вульгарное понимание марксизма и, конечно же, отсутствие стратегического видения — все это, помноженное на квазиклассовый интерес и наличие привластных и хозяйственных групп, заинтересованных в превращении советской экономики в донора Запада, и привело ее в конечном счете к капитуляции. СССР не только не воспользовался плачевным положением Запада и особенно США на рубеже 1960–1970-х годов, но по сути в течение всех 1970-х годов помогал им из него выбраться. И это вместо того, чтобы если не «уронить» США, то максимально ослабить. Получив передышку в виде политики разрядки и перегруппировавшись, США с приходом Рейгана начали «последний и решительный бой» с Советским Союзом.

Но это произойдет позже. Окончательно все попытки рывка в будущее были свернуты в 1973 г. — том самом, когда в результате арабо-израильской войны резко подскочила цена на нефть, и в СССР потекли миллиарды долларов. По оценке экспертов, доходы от нефти в 1974–1975 гг. составили 170–180 млрд долл., т. е. около триллиона в нынешних ценах. 1973 г. закрыл «длинные шестидесятые», которые начались в 1957 г. июньским пленумом ЦК КПСС, на котором была разгромлена так называемая «антипартийная группировка» соратников Сталина. Тогда на государственный олимп взошли Хрущев и его «команда». Победа Хрущева знаменовала победу номенклатурного социализма под маской «оттепели». Триумфом номенклатурного социализма, заблокировавшего возможность трансформации этого строя на основе законов развития и его научно-технического потенциала, стал брежневский «застой», т. е. господство горизонтальной социальной мобильности над вертикальной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бодрихин, Н. Г. (2017) Челомей / вступ. статья С. К. Шойгу, В. Е. Фортосва. М. : Мол. гвардия. 490 с.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. (1972) М. : Политиздат.

Фурсов, А. И. (2017а) Цепи настоящего, силы прошлого и битвы будущего // Фурсов А. И. Борьба вопросов. Идеология и психоистория: русское и мировое измерение. М. : Книжный мир. С. 578–762.

Фурсов, А. И. (2017b) «Это было недавно — это было давно». Шестидесятые — переломная эпоха в истории СССР и мира (вместо предисловия) // Раззаков Ф. И. Жизнь замечательных времен: шестидесятые. 1960 : в 2 т. М. : Т-во науч. изданий КМК. Т. I. С. 6–53.

ГРЯДУЩАЯ ДУАЛИСТИЧНОСТЬ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ПРОЕКТНОЕ ЕДИНСТВО ФИЛОСОФИИ, ПЕДАГОГИКИ И КУЛЬТУРОЛОГИИ

Я. С. Турбовской

Академия гуманитарных исследований, г. Москва

Показано, что поднимаемая проблема отражает реально существующую тенденцию, изначально коренным образом изменяющую не только основные характеристики современного образования, но и социума в целом. Вторжение в жизнь новых технологий носит тотально-неотвратимый характер. И если сегодня на первый план в развитии любого государства выходит проблема конкурентоспособности, значит лишь то, что именно это государство и общество будет соответствовать требованиям, предъявляемым временем, которое сумеет, образно говоря, «оседлать» эту тенденцию. Образование, чтобы соответствовать духу времени, должно строиться на проектное единство философии, педагогики и культурологии. Целью же такого образования является формирование человека, опирающегося на историю своей страны и понятие Родины.

Ключевые слова: педагогика; образование; философия; культурология; цифровое общество

В современных условиях, исходя из требований исследовательской культуры, обязательно определяется актуальность проблемы. К сожалению, приходится признать, что это требование представляется общественному и научному сознанию избыточно расплывчато. В то время как именно определение «актуальности проблемы» является методологически основным исходным началом